ГРОМЧЕ, ЧЕМ РАССТОЯНИЕ

КНИГА 2 · ПРАВО НА ГОЛОС

Сила — не в броне,
а в умении оставаться живой

ЮЛИЯ СОЛО

Юлия Соло

«Громче, чем расстояние»
Книга 2. «Право на голос»

«Автор»
2026

Соло Ю.

«Громче, чем расстояние» Книга 2. «Право на голос» /
Ю. Соло — «Автор», 2026

Кристина Волкова вырвалась из жизни, где её топтали, — и добилась невозможного: её проект профориентации для подростков получил федеральное финансирование, а сама она — должность, оклад и место в штормовом мире большого бизнеса. Впереди регионы, министерства, переговоры на десятки миллионов. Рядом — Виктория, наставница, не раздающая похвал, и Андрей, у которого Кристина впервые научилась доверять.Но у победы есть цена. Куратор Артур плетёт интриги, чтобы забрать проект, а бывшая жена Андрея одним звонком сеет сомнение: «Ему нужен не ты, а тот, кого спасать». И Кристина с ужасом узнаёт в этих словах логику собственной истории. Под ударом — контракт, доверие команды и дом на Пятой линии.Чтобы отстоять право на голос, ей придётся понять главное: сила не в броне, а в умении оставаться живой. Вторая книга цикла «Громче, чем расстояние» — о честной борьбе за себя, когда голос перестаёт дрожать.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
«Громче, чем расстояние»
Книга 2. «Право на голос»

Цикл «Громче, чем расстояние»
Книга 2 «Право на голос»
Акт I. «Возвращение на новых условиях»
Глава 1. Федеральный уровень.

В панорамном конференц-зале на пятнадцатом этаже бизнес-центра у Петроградской набережной пахло свежим типографским картоном, дорогим зерновым эспрессо, холодным февральским солнцем и большими деньгами. За широкими стеклами во всю стену простиралась скованная льдом Нева, вдали тускло поблескивал шпиль Петропавловской крепости, а под низким зимним небом суетился огромный, живой Петербург.

Кристина стояла у трибуны с лазерным кликером в руке — в идеально сидящем темно-синем брючном костюме, с распущенными по плечам мягкими волнами волос и спокойной, уверенной улыбкой. Пальцы не дрожали. Ладони не потели, и их не приходилось украдкой вытирать о ткань одежды, как полгода назад на том самом осеннем форуме в Москве.

За спиной на огромном светодиодном экране сменялись выверенные до последней цифры графики, таблицы регионального охвата и сметы пилотного запуска. Её социальный проект по профориентации и финансовой грамотности подростков из малых городов — тот самый, который она выгрызала бессонными ночами в Саратове, — сейчас лежал в красивых глянцевых папках перед десятком серьезных людей за длинным столом переговоров.

— Таким образом, при софинансировании из региональных грантовых фондов и подключении партнеров в семи пилотных областях проект выходит на полную самоокупаемость уже к четвертому кварталу, — ровно, звонко и без единой заминки завершила Кристина, переключая последний слайд с итоговыми показателями. — Мы не просто читаем школьникам скучные лекции. Мы даем им реальный инструмент, как выбрать профессию и не оказаться в финансовой яме в двадцать лет. Спасибо за внимание. Я готова ответить на ваши вопросы.

На секунду в просторном зале повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом системы вентиляции. Кристина перевела взгляд в угол стола, где, небрежно закинув ногу на ногу, сидела Виктория в строгом бежевом жакете. Та лишь едва заметно приподняла бровь и слегка кивнула — жест, означавший высшую степень одобрения от человека, который никогда не хвалил просто так.

— Весьма амбициозно, Кристина Сергеевна, — первым подал голос крупный, седеющий мужчина в дорогом сером костюме с тяжелыми золотыми часами на запястье — представитель крупного строительно-промышленного холдинга, выступавшего потенциальным спонсором программы. Он медленно перелистнул глянцевую брошюру. — Цифры красивые, спору нет. Расчеты чистые, сразу видно руку экономиста. Но у меня один практический вопрос, без всякой лирики. На бумаге у вас всё гладко. А как вы собираетесь договариваться с местными департаментами образования в регионах? Там сидят люди, которые годами привыкли пилить бюджеты на одних и тех же проверенных подрядчиках. Они вас на порог не пустят без «правильного» захода.

За столом пробежал сдержанный, понимающий смешок. Двое молодых менеджеров из команды Виктории переглянулись, а сидевший справа от спонсора худощавый мужчина лет тридцати в идеально выглаженной сорочке — Артур, куратор региональных связей, которого Виктория взяла в штат всего две недели назад, — мягко, покровительственно улыбнулся и подался вперед:

— Я как раз хотел дополнить коллегу, Кристина. Методическая часть у тебя, безусловно, блестящая, как для студенческой работы. Но выходить на уровень министерств и закрытых совещаний в двадцать один год без опыта аппаратных игр — это самоубийство. Думаю, будет разумно, если я возьму на себя все переговоры с чиновниками и распределение региональных бюджетов, а ты сосредоточишься на контенте и таблицах.

Кристина почувствовала, как внутри мгновенно поднялась знакомая, холодная волна — та самая, которую она научилась удерживать еще в декабре. Артур улыбался вежливо и дружелюбно, но за этими гладкими словами стояла простая и грубая попытка отодвинуть её от руля и превратить обратно в тихую исполнительницу на подхвате.

— Спасибо за заботу, Артур, — Кристина посмотрела ему прямо в глаза спокойно, с легкой, вежливой усмешкой, не повышая голоса. — Но проект — это не «студенческая работа», а готовая финансовая модель, которую я защитила на федеральном форуме еще осенью. Что касается департаментов образования: за последние две недели, пока я сдавала зимнюю сессию в Саратове, я лично провела переговоры с тремя региональными министерствами и уже получила предварительные письма поддержки. Все контакты и протоколы встреч лежат в приложении номер четыре в ваших папках. Я не собираюсь заходить через «черный ход» и раздавать откаты. Мы заходим через прозрачные показатели эффективности, которые нужны губернаторам для годовых отчетов.

Представитель холдинга хмыкнул, открыл указанное приложение, пробежал глазами по официальным бланкам с печатями и одобрительно хлопнул ладонью по столу.

— А девчонка-то с зубами, Виктория, — усмехнулся он, поворачиваясь к хозяйке кабинета. — Мне нравится такой подход. Без соплей и лишней воды. Готовьте рамочное соглашение, наш холдинг закрывает сорок процентов первого транша.

Когда через полчаса гости разошлись, в конференц-зале остались только Кристина и Виктория. Ассистентка Алина быстро собрала со стола пустые чашки и закрыла за собой стеклянную дверь.

Виктория подошла к панорамному окну, глядя на залитую зимним солнцем Неву, и медленно повернулась к Кристине.

— Ну что, Волкова, поздравляю, — негромко сказала она, скрестив руки на груди. — Первый крупный чек в кармане. И Артура ты красиво на место поставила, хотя он теперь на тебя зуб точить будет, учти. Но вот что я тебе скажу на правах старшего партнера: не дай этому успеху вскружить тебе голову.

— Я держу себя в руках, Виктория, — искренне ответила Кристина, чувствуя, как по груди разливается пьянящее, горячее чувство триумфа. Впервые в жизни она не оправдывалась, не просила милости и не стояла с опущенной головой — она сама диктовала условия.

— Пока держишь, — кивнула Виктория. — Но большой проект — это не защита диплома. Завтра начнутся реальные проверки, задержки платежей, интриги внутри команды и грязь. Сегодня ты на коне, а завтра любая личная слабость может пустить всё под откос. Так что выдохни сегодня вечером, отпразднуй, а завтра в девять ноль-ноль жду тебя с готовым графиком первого выезда в регион.

Кристина вышла из бизнес-центра на морозный, солнечный февральский воздух. Ветер с Невы бодрил, в сумке лежал подписанный трудовой договор руководителя направления с окладом, о котором полгода назад она не смела даже мечтать, а впереди ждала новая, яркая, послушная её воле жизнь. Ей казалось, что самое страшное осталось далеко позади, за глухой дверью квартиры на Гражданке, и теперь она держит судьбу за горло обеими руками.

Она достала телефон, чтобы написать Андрею, что презентация прошла блестяще и она уже едет к метро, как вдруг экран в руке резко завибрировал от входящего звонка с незнакомого номера.

Кристина нажала зеленую кнопку, всё еще улыбаясь:

— Алло, Кристина Волкова слушает.

— Крис… пожалуйста, не вешай трубку, это я, Даша, — раздался в динамике сдавленный, срывающийся на рыдания шепот на фоне грохота проезжающих машин и свиста ветра. — Прости, что с чужого номера, мама мой телефон разбила… Я на вокзале сижу, мне вообще некуда идти, Крис, помоги, пожалуйста…

Улыбка мгновенно сползла с лица Кристины. Солнечный февральский день словно померк за одну секунду.

Глава 2. Тень из прошлого.

От бизнес-центра на Петроградской набережной до Витебского вокзала такси в предвечерний час пик ползло мучительно долго. За забрызганным реагентами стеклом проносились мрачные, закопченные фасады центральных проспектов, красные огни стоп-сигналов тянулись бесконечной змеей, а у Кристины внутри всё сжалось в знакомый, тугой и ледяной узел.

Еще полчаса назад она стояла в светлом конференц-зале на пятнадцатом этаже, подписывала договор руководителя федерального направления и чувствовала себя хозяйкой собственной судьбы. А сейчас сидела на заднем сиденье седана, до побеления пальцев сжимая ремень строгой деловой сумки, и ловила себя на странном, пугающем ощущении: прошлое снова протянуло руку сквозь город, вцепилось в полу пальто и потащило назад.

В мессенджер пришло короткое сообщение с того же незнакомого номера: *«Я в зале ожидания на втором этаже, у дальнего окна, рядом с кофейным автоматом. Телефон сейчас придется отдать, у прохожего попросила позвонить»*.

Когда Кристина поднялась по широкой парадной лестнице в гулкий, прохладный зал ожидания Витебского вокзала, пахнущий сырой шерстью, дешевой выпечкой и уличным холодом, она увидела Дашу почти сразу. Шестнадцатилетняя сестра Макса сидела на самом краю деревянной скамьи у запотевшего стрельчатого окна, вжав голову в плечи и натянув вязаную шапку почти до самых бровей. На ногах были тонкие осенние кроссовки на меху, расстегнутая куртка висела небрежно, а рядом на полу стоял лишь небольшой школьный рюкзак, набитый так, что едва сходилась молния.

Увидев Кристину, Даша вскочила, сделала неуверенный шаг навстречу и замерла, испуганно и виновато опустив покрасневшие от слез глаза.

— Привет, — хрипло выдохнула девчонка, шмыгнув носом. — Прости, что выдернула тебя с работы, Крис. Я правда не знала, кому еще позвонить. Папа на смене в области до завтрашнего утра, у подруг родители строгие, сразу маме настучат, а к Максу… к Максу идти вообще бесполезно, он меня сам же за шкирку обратно притащит, чтобы мать ему мозг не выносила.

Кристина подошла ближе, осторожно присела рядом на скамью и внимательно посмотрела на неё. На бледной левой щеке Даши темнела свежая, некрасивая красная ссадина — словно от тяжелой пощечины или удара об угол двери, — а тонкие пальцы без перчаток мелко, неуправляемо дрожали.

— Что случилось, Даш? Рассказывай спокойно, по порядку, — негромко сказала Кристина, доставая из сумки бумажные платки и протягивая ей.

Даша судорожно вытерла нос, глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в подбородке, и заговорила быстро, сбивчиво:

— Мама утром полезла ко мне в стол убираться, пока я в душе была. Нашла черновики заявлений и распечатки с курсов подготовки в архитектурно-строительный университет. Я же тебе еще перед Новым годом говорила, что хочу на дизайн городской среды поступать, сама с осени по ночам репетировала, портфолио собирала. А она как увидела — такой крик подняла, что стены задрожали. Сказала, что никуда я поступать не пойду, все эти вузы — пустая трата

денег, и с понедельника она меня через знакомую товароведом или кассиром в продуктовый у дома устроит, чтобы я «наконец-то пользу семье приносила и на шее не сидела». Я попыталась объяснить, что у меня пробные ЕГЭ почти на девяносто баллов, что я на бюджет пройду, а она схватила мои чертежи, порвала в клочья прямо у меня на глазах, телефон об пол швырнула и затрещину влепила, когда я кинулась листы собирать.

Кристина слушала этот сбивчивый, горький монолог, и у неё внутри всё переворачивалось от узнавания. Та же самая интонация Елены Викторовны. Та же самая глухая, беспощадная стена чужой нереализованной жизни, о которую свекровь когда-то разбила собственную мечту о театральном институте и теперь методично ломала крылья всем вокруг — сначала мужу, потом сыну, потом самой Кристине, а теперь добралась и до собственной дочери.

— Ты сейчас где ночевать собиралась? — тихо спросила Кристина, глядя на набитый школьный рюкзак у ног девчонки.

— Не знаю, — честно, глухо призналась Даша, отводя взгляд в сторону. — Думала на вокзале до утра пересидеть, а завтра к подружке в общагу попроситься на пару дней, пока папа со смены не вернется. Домой я больше не пойду, Крис. Я лучше на улице останусь, чем в этот ад вернусь.

В голове Кристины мгновенно включился холодный, четкий голос разума — почти точь-в-точь голос Виктории с утренней планерки: *«Это не твоя семья. Ты больше не обязана никого спасать. Даша несовершеннолетняя — если ты сейчас заберешь её к себе без ведома родителей, Елена Викторовна завтра же напишет заявление в полицию о похищении ребенка и устроит такой скандал, что твой федеральный проект накроется медным тазом еще до старта»*.

Но следом за этим голосом всплыло другое воспоминание: та самая декабрьская ночь, когда сама Кристина стояла с тяжелым рюкзаком на заснеженном крыльце дома на Гражданке, и единственным человеком в той квартире, кто обнял её, поддержал и сказал: *«Не вздумай вернуться, ты крутая, у тебя всё получится»*, была именно эта шестнадцатилетняя девчонка в потертой куртке.

Кристина глубоко вдохнула, достала телефон и набрала номер. Гудки шли недолго — Сергей ответил сразу, на фоне гудела тяжелая промышленная вентиляция.

— Алло, Кристина? Что-то случилось? — в голосе отца Макса сразу послышалась глухая, тяжелая тревога.

— Сергей Николаевич, не пугайтесь, Даша сейчас со мной, на Витебском вокзале, живая и здоровая, — быстро, четко и без паники сказала Кристина, отходя на два шага от скамьи, чтобы Даша не слышала подробностей. — У них утром с Еленой Викторовной произошел тяжелый скандал из-за поступления, Даша ушла из дома с рюкзаком, телефон её разбит. Я заберу её сейчас к себе в Мурино, покормлю и уложу спать. Но мне нужно ваше официальное разрешение как отца, чтобы Елена Викторовна не подняла панику и не пошла в полицию. Вы завтра утром сможете приехать к нам после смены, чтобы мы вместе всё спокойно обсудили?

На том конце провода повисла долгая, тяжелая пауза. Кристина слышала, как Сергей тяжело, надрывно выдохнул в трубку.

— Спасибо тебе, дочка, — глухо, с горькой благодарностью произнес он. — Я сейчас же сам Лене позвоню и скажу, что Даша у моей двоюродной сестры в Гатчине гостит по моей договоренности, чтобы она не дергалась и никуда не бегала. Пусть переночует у тебя, бога ради. Завтра к десяти утра я прямо со смены к вам приеду.

Когда Кристина вернулась к скамье, Даша смотрела на неё снизу вверх с такой отчаянной, затаенной надеждой, что у Кристины защемило сердце.

— Вставай, собирай рюкзак, — мягко, но твердо сказала Кристина, подхватывая сумку девчонки. — Поедем ко мне в Мурино. С папой я только что договорилась, он всё прикроет до утра.

Пока они ехали в такси в сторону кольцевой автодороги, Кристина смотрела в темное окно на мелькающие огни вечернего Петербурга. Внутри боролись два противоположных чувства: тихое удовлетворение от того, что она не прошла мимо и поступила по-человечески, и глухое, неприятное предчувствие, что этим шагом она сама распахнула дверь, которую так долго и трудно закрывала. В сумке снова зажужжал телефон — пришло сообщение от Виктории: *«Волкова, завтра в восемь тридцать у нас внеплановая встреча с юристами по согласованию региональных грантов. Не опаздывать, там жесткие крючкотворы из комитета сидят».*

Кристина посмотрела на экран, затем перевела взгляд на уснувшую на соседнем сиденье измученную Дашу и тихо вздохнула. Балансировать между чужими бедами и собственной новой жизнью оказалось гораздо сложнее, чем она думала еще три часа назад.

Глава 3. Бюрократический ад.

Утро субботы выдалось сумбурным и нервным. В семь утра, едва за окном в Мурино забрезжил серый февральский рассвет, Кристина уже стояла на кухне в строгом брючном костюме, наспех допивая остывающий кофе и объясняя сонной Оле, что в десять утра за Дашей заедет её отец Сергей. Оля, только что вернувшаяся с ночного дежурства в аптеке, лишь понимающе махнула рукой, пообещав накормить девчонку завтраком и присмотреть за ней до приезда отца.

Ровно в восемь тридцать Кристина вошла в малый переговорный зал офиса на Петроградской набережной. За столом уже сидели Виктория, куратор региональных связей Артур и двое приглашенных экспертов из городского комитета по молодежной политике и грантовым программам — грузный седой мужчина в очках с золотой оправой по фамилии Громов и его сухая, поджарая помощница с толстой стопкой папок и красной ручкой в руках.

В воздухе пахло не утренним кофе, а бумажной пылью, дешевым тонером и глухим, равнодушным раздражением чиновников, которых выдернули на совещание в субботу утром.

— Кристина Сергеевна, мы внимательно изучили ваш проект по профориентации подростков, — начал Громов глухим, казенным голосом, даже не глядя на неё и лениво перелистывая распечатанные листы сметы. — Идея неплохая, актуальная, в повестку укладывается. Но в таком виде мы его на региональное софинансирование не пропустим. Заворачиваем на доработку.

У Кристины внутри всё неприятно похолодело. Она инстинктивно выпрямила спину и сцепила пальцы в замок на столе.

— Позвольте узнать, по каким именно пунктам возникли замечания? — максимально спокойно и вежливо спросила она. — Вчера на презентации представители спонсорского холдинга и юристы фонда утвердили финансовую модель без единой правки.

— Спонсоры свои деньги считают по коммерческим понятиям, а мы распоряжаемся бюджетными субсидиями, — сухо вступила помощница Громова, постучав красной ручкой по первой странице паспорта проекта. — Во-первых, у вас в штатном расписании заложены слишком высокие ставки для региональных координаторов — по регламенту они не могут превышать средний МРОТ по области. Во-вторых, нет согласованных актов пожарной и санитарной безопасности на арендуемые школьные залы в семи регионах. Без этих двадцати восьми справок с синими печатями ваш проект для нас — пустая бумажка. Срок подачи документов закрывается в следующую пятницу в шестнадцать ноль-ноль. Не успеете собрать полный пакет — вылетаете из реестра до осени.

Кристина растерянно моргнула. Собрать двадцать восемь межведомственных справок в семи разных областях за пять рабочих дней было физически невозможно — на одну только официальную переписку с региональными администрациями ушло бы не меньше месяца.

Она бросила быстрый взгляд на Артура, надеясь, что он как куратор региональных связей сейчас подключится и предложит решение. Но Артур сидел, откинувшись на спинку кресла, с едва заметной, сытой и довольной полуулыбкой.

— Я же вчера предупреждал тебя, Кристина, — мягко, с притворным сочувствием произнес он, обращаясь скорее к Виктории, чем к ней. — Выходить на уровень бюджетных грантов с наскока, на одном студенческом энтузиазме — верный путь к провалу. Нам придется либо переносить запуск на полгода, либо полностью переписывать концепцию под коммерческий подряд.

Виктория молчала. Она сидела во главе стола с непроницаемым, каменным лицом, медленно крутя в пальцах тяжелую перьевую ручку, и смотрела исключительно на Кристину — ждала, что та сделает: начнет оправдываться, запаникует или сдаст позиции.

Внутри у Кристины зашумело в ушах от глухой злости — на чиновников, которым было абсолютно наплевать на живых подростков в регионах, на самодовольного Артура, который уже праздновал её осечку, и на собственную наивность, с которой она вчера радовалась подписанному договору.

Она глубоко вдохнула, открыла свой рабочий блокнот и посмотрела прямо на Громова.

— Хорошо, — ровно, твердо и без тени суеты сказала Кристина. — Если бюджетное софинансирование требует двадцати восьми справок к пятнице, мы исключаем государственную субсидию из первого этапа пилотного запуска. Мы не будем брать бюджетные деньги в этом квартале.

Помощница Громова удивленно подняла брови, а сам чиновник нахмурился:

— То есть как это исключаете? А на какие средства вы собираетесь проводить выездные сессии в семи регионах?

— Сорок процентов закрывает наш коммерческий спонсор, с которым вчера подписано рамочное соглашение, — четко отчеканила Кристина, открывая таблицу расчетов на экране ноутбука. — Еще тридцать пять процентов дает фонд Виктории. Оставшиеся двадцать пять мы закрываем за счет того, что убираем из сметы аренду сторонних площадок и проводим интенсивы на базе региональных центров «Движения первых» и колледжей-партнеров по договорам безвозмездного сетевого взаимодействия. Там все акты безопасности уже действующие. К осени у нас на руках будет реальная статистика по трем тысячам школьников — и тогда мы придем к вам за субсидией уже с готовым результатом, а не с прогнозами.

В переговорной на несколько секунд повисла тишина. Громов хмыкнул, переглянулся со своей помощницей, закрыл папку и поднялся из-за стола.

— Ну что ж, хозяин — барин. Если справитесь без бюджета — милости просим в сентябре. Всего доброго.

Когда за чиновниками закрылась стеклянная дверь, Артур раздраженно сжал губы — его план перехватить управление проектом под предлогом «бюрократического тупика» рассыпался на глазах. Он молча собрал свои бумаги и вышел следом, даже не попрощавшись.

Виктория осталась сидеть за столом. Несколько секунд она молча смотрела на Кристину, потом медленно положила ручку на блокнот.

— Неплохо вывернулась, Волкова, — сухо, без привычной улыбки сказала она. — Не растерялась и не поплыла. Но запомни один жесткий урок на всю жизнь: в большом бизнесе друзей нет. Сегодня Артур улыбался тебе в лицо, а завтра он сам же сольет твои ошибки этим самым чиновникам, чтобы сесть в твое кресло. И еще одно: я видела, как ты с утра каждые десять минут косилась на экран телефона. Если твои личные семейные разборки будут отвлекать тебя от работы в такое время — тебя сожрут раньше, чем ты доедешь до первого региона. Поняла?

— Поняла, Виктория, — тихо и твердо ответила Кристина. — Больше этого не повторится.

Она вышла из переговорной с прямыми плечами, но в глубине души неприятно кольнуло: телефон в кармане жакета снова завибрировал — от Сергея пришло сообщение, что он уже в пути в Мурино за Дашей, но Елена Викторовна узнала правду и устроила дома настоящий скандал.

Глава 4. Новая реальность.

Воскресный вечер на Васильевском острове пах свежим хвойным морозцем, горячим имбирным чаем и свежевыстиранным хлопковым бельем. За широким окном двухкомнатной квартиры Андрея на Пятой линии тихо кружили редкие февральские снежинки, подсвеченные теплым светом уличных фонарей.

Кристина стояла посреди просторной, светлой гостиной, оглядывая аккуратно расставленные на стеллажах книги, тяжелый дубовый письменный стол у окна и свои собственные вещи — тот самый старый туристический рюкзак и спортивную сумку, которые за последние полгода успели сменить уже три адреса. Здесь не было ничего от давящей, пропахшей валокордином и чужой злостью тесноты квартиры на Гражданке. Простор, чистый воздух и спокойная, мужская основательность в каждой детали — от добротных деревянных полок до идеально подогнанных дверных петель, которые открывались совершенно бесшумно.

Когда неделю назад, сразу после её возвращения из Саратова, Андрей предложил ей переехать из Мурино к нему, Кристина первые два дня мучилась глухой, липкой тревогой. Внутри упрямо поднимался старый страх: стоит ей снова переступить порог мужской квартиры, как за спиной с лязгом захлопнется невидимый замок, и она опять превратится в зависимую гостью, обязанную оправдываться за каждый потраченный рубль и невымытую кружку.

Из кухни донесся глухой звон посуды, и на пороге появился Андрей в простом сером лонгсливе, держа в руках две дымящиеся керамические кружки.

— Ну что, командир, как тебе новый штаб? — тепло, с легкой усмешкой спросил он, протягивая ей чай. — Шкаф в спальне я полностью освободил, верхнюю полку в прихожей тоже. Если нужно будет еще один стеллаж под твои папки с проектом поставить — в выходные соберем без проблем.

Кристина взяла кружку, грея ладони о теплую керамику, и посмотрела на него серьезно, без привычной мягкой улыбки.

— Андрей, нам нужно договориться на берегу, пока мы не начали путаться в мелочах, — тихо, но твердо сказала она. — Я очень благодарна тебе за всё, что ты для меня сделал зимой. Правда. Но я больше никогда не смогу жить на чьем-то содержании или чувствовать, что меня пустили пожить из милости. Я теперь нормально зарабатываю. Поэтому коммуналку, продукты и все общие бытовые расходы мы делим строго пополам. И каждый сам распоряжается своими деньгами.

Андрей на секунду замер с кружкой в руке, внимательно, без тени насмешки или обиды посмотрел ей прямо в глаза, а затем медленно кивнул.

— Принято, — просто и спокойно ответил он. — Пополам — значит пополам. Справедливо. Но у меня к тебе тоже есть одно встречное условие, Кристин.

Она насторожилась, инстинктивно подбираясь:

— Какое?

— Перестань вести себя в этом доме как дежурная по роте или нанятая горничная, — Андрей шагнул ближе, поставил свою кружку на край стола и мягко, но твердо забрал у неё из рук стопку белья, которую она весь вечер порывалась перегладить и разложить по линейке. — Ты второй вечер подряд после двенадцати часов в офисе хватаешься за тряпку, пытаешься намыть полы до блеска и извиняешься за то, что оставила папку с документами на журнальном столике. Я пригласил сюда любимую женщину, а не прислугу. Устала — ложись отдыхать.

Посуду помоет посудомойка, а ужин мы можем заказать или приготовить вместе в выходной. Договорились?

У Кристины на миг перехватило дыхание. Она только сейчас поймала себя на том, что действительно всё это время машинально ходила по стеночке, стараясь быть максимально «удобной, полезной и незаметной» — срабатывал старый, въевшийся в кости рефлекс выживания из квартиры Елены Викторовны.

— Договорились, — выдохнула она, чувствуя, как напряженные плечи наконец опускаются.

Андрей достал из кармана джинсов небольшую металлическую связку, на которой блестели два новых ключа с синим пластиковым брелоком, и вложил её прямо в раскрытую ладонь Кристины.

— Держи. Это твой дом ровно в той же степени, что и мой. Никаких проверок, отчетов и закрытых дверей.

Кристина сжала прохладный металл в кулаке, а затем, не сдержавшись, шагнула вперед и уткнулась лбом ему в широкое, теплое плечо. От него пахло свежим морозным воздухом, деревом и тем самым спокойным, не требующим доказательств теплом, по которому она так истосковалась. Андрей неторопливо обнял её за талию, притягивая ближе, и мягко поцеловал в висок — без спешки, без требования, с какой-то удивительной, глубокой нежностью, от которой у Кристины по-настоящему закружилась голова.

Но идеальная картинка продержалась ровно три дня.

К вечеру среды эйфория от переезда разбилась о реальный рабочий график. Кристина вернулась домой на Васильевский только в десять вечера — уставшая, взвинченная, с горящими от монитора глазами и пачкой несогласованных региональных договоров в сумке. Даже не сняв жакет, она сразу открыла ноутбук на дубовом обеденном столе и включила электрический чайник.

Андрей, вернувшийся со смены на час раньше и успевший приготовить ужин, вышел из кухни с двумя тарелками запеченного мяса, посмотрел на раскрытый ноутбук и разложенные поверх салфеток бумаги и недовольно нахмурился.

— Кристин, десять вечера на часах, — ровно, но твердо сказал он, ставя тарелки на край стола. — Убери компьютер. Поужинай нормально, а таблицы свои завтра в офисе доделаешь.

— Андрей, не начинай, пожалуйста, я не успеваю сдать график пилотного запуска к утренней планерке Виктории, — раздраженно отмахнулась она, не отрывая взгляда от экрана и нервно щелкая мышкой. — Мне нужно еще хотя бы час посидеть.

— Ты третий вечер подряд сидишь до двух ночи, а в шесть утра подскакиваешь чернее тучи, — голос его стал жестче. Он подошел и молча, спокойным движением прикрыл крышку её ноутбука наполовину. — Ты себя загоняешь точно так же, как в декабре в своей кофейне. Кому нужны эти твои подвиги, если ты к пятнице свалишься с температурой?

Кристина вспыхнула мгновенно — от усталости, недосыпа и внезапного, колючего укола старого страха, что её снова пытаются контролировать и указывать, что ей делать.

— Не закрывай мой компьютер! — резко, почти зло бросила она, отдергивая крышку обратно. — Это моя работа и моя ответственность, Андрей! Я не прошу тебя сидеть рядом и проверять мои расчеты, и не надо со мной разговаривать как с неразумным ребенком, которому пора спать!

На секунду в просторной гостиной повисла тихая, звенящая напряженность. Андрей посмотрел на её раскрасневшееся, напряженное лицо, медленно выдохнул и отступил на шаг назад.

— Я с тобой не как с ребенком говорю, Кристин, — тихо и спокойно ответил он, хотя в глазах мелькнула легкая обида. — Просто мне не всё равно, что с тобой происходит. Тарелка на столе, захочешь поесть — разогреешь. Я пошел спать.

Он ушел в спальню и негромко прикрыл дверь. Кристина осталась сидеть за столом одна перед погасшим экраном ноутбука. Злость схлынула так же быстро, как и накатила, оставив после себя глухую, тяжелую пустоту и неприятный привкус собственной несправедливости. Она еще не умела принимать чужую заботу без того, чтобы не видеть в ней попытку посадить её в новую клетку.

Глава 5. Цена помощи.

Утром четверга на Васильевском острове было непривычно тихо и чуть прохладно. Кристина проснулась в половине седьмого — Андрей уже ушел на утренний монтаж, оставив на кухонном столе горячий термос с травяным чаем и короткую записку без единого упрека: *«Не забудь позавтракать перед выходом. Вечером созвонимся»*.

Кристина посмотрела на эти ровные, спокойные строчки, и в груди противно заныло чувство неловкости за вчерашний вечерний срыв. Она быстро собралась, выпила чай и поехала в бизнес-центр на Петроградскую набережную, твёрдо решив сегодня же закрыть все накопившиеся хвосты по проекту и вечером нормально помириться с Андреем.

В офисе Виктории кипела настоящая, заряжающая драйвом жизнь. В большом опенспейсе гудели кофемашины, маркетологи спорили о дизайне мерча для региональных форумов, а на стене в кабинете Кристины уже висела большая магнитная карта России с первыми красными флажками пилотных городов. Ощущение того, что она — молодой руководитель, чей проект реально запускается на федеральном уровне, пьянило лучше любого шампанского. Ей казалось, что она держит в руках все нити и способна справиться с любой задачей.

Ровно в час дня, когда Кристина как раз садилась сводить финальную смету закупок оборудования для первой поездки в Тверь — документ, который Виктория потребовала положить ей на стол строго до пяти вечера, — в сумке зажужжал телефон. На экране высветилось имя *«Даша»*.

Кристина на секунду заколебалась, глядя на мигающий экран, но всё же нажала зеленую кнопку и вышла в пустой коридор к панорамному окну.

— Привет, Даш, как дела? Отец приехал утром, всё спокойно?

— Привет, Крис… да, папа приехал, скандал замяли, — голос шестнадцатилетней девчонки звучал глухо, устало и непривычно по-взрослому. — Мама орать перестала, но поставила жесткий ультиматум: раз я такая умная и собралась в свой архитектурный, то ни копейки на репетиторов, курсы и проезд она мне больше не даст. Сказала, чтобы я сама крутилась, если не хочу идти в магазин за прилавок. Крис, ты не могла бы замолвить за меня словечко в своей бывшей кофейне «Угол»? Я могу после школы с четырех до девяти вечера на кассе или на уборке стоять, мне хотя бы на подготовительные курсы в вуз накопить…

Внутри у Кристины сразу заворочалось знакомое, щемящее чувство сострадания и ответственности. Эта девчонка не сбегала из дома и не закатывала истерик — она просто хотела честно работать, чтобы вырваться из душной, давящей атмосферы квартиры на Гражданке и поступить в университет.

— Не переживай, Даш, я прямо сейчас позвоню Илье, старшему смены, — уверенно, с тем самым приятным чувством «я всё могу решить» ответила Кристина. — Там вечно не хватает людей на вечерний пик, я за тебя поручусь. И приезжай к шести вечера прямо к метро «Академическая», я сама с ним поговорю на месте, чтобы тебя оформили официально и без обмана.

Она положила трубку, сразу набрала бывшего начальника в кофейне, договорилась о встрече на шесть вечера и заодно открыла в ноутбуке сайт архитектурно-строительного университета, чтобы скачать для Даши список вступительных испытаний и требования к портфо-

лио. Время полетело незаметно. Когда Кристина подняла глаза на часы в правом углу экрана, на них было без десяти пять.

Смета закупок оборудования для поездки в Тверь была готова едва наполовину.

В стеклянную дверь кабинета коротко постучали. На пороге стояла Виктория в строгом черном костюме, с планшетом в руке.

— Волкова, пять вечера. Где финальная смета на подпись? Мне через пятнадцать минут созваниваться с финансовым директором спонсорского холдинга.

Кристина почувствовала, как к щекам приливает неприятный, горячий жар. Впервые за всё время работы в фонде она не уложилась в срок.

— Виктория, мне нужно еще буквально сорок минут, чтобы перепроверить коэффициенты по логистике… — начала она, торопливо щелкая клавишами.

— Сорок минут у меня нет, звонок в семнадцать пятнадцать, — ледяным, ровным тоном отрезала Виктория, прищурившись и бросив быстрый взгляд на открытую соседнюю вкладку браузера на мониторе Кристины, где светилась главная страница архитектурного университета. — Ты целый день вместо сметы чужие вузы выбирала, руководитель направления? Дай сюда черновик, сама буду править на ходу. Но учти, Волкова: еще один такой срыв дедлайна из-за твоих посторонних дел — и я передам финансовый блок Артуру. Он, в отличие от тебя, не тратит рабочее время на благотворительность.

Виктория забрала распечатанные листы со стола и вышла, тихо прикрыв за собой стеклянную дверь.

Кристина осталась сидеть в кресле, сжимая виски холодными пальцами. Впервые сладкое, пьянящее ощущение полного контроля над жизнью дало первую ощутимую трещину — и это было только начало.

Глава 6. Проверка на прочность.

Понедельник в офисе на Петроградской набережной начался с ледяного ветра, стучащего в панорамные окна пятнадцатого этажа, и внеплановой утренней летучки, на которую Виктория вызвала ключевых сотрудников проекта за полчаса до официального начала рабочего дня.

В воздухе в конференц-зале висело густое, колючее напряжение, от которого у Кристины мгновенно заныли виски. Виктория не пила свой привычный двойной эспрессо — она стояла у торца стола переговоров в строгом графитовом костюме, скрестив руки на груди, и смотрела на собравшихся тяжелым, немигающим взглядом. Рядом сидели куратор региональных связей Артур, старший методист проекта Марина — тихая, исполнительная женщина лет тридцати пяти с вечно усталыми глазами — и ассистентка Алина, нервно перебирающая листы в папке.

— Вчера вечером наш главный коммерческий спонсор — строительно-промышленный холдинг — прислал уведомление о приостановке подписания основного договора на первый транш, — без предисловий, ледяным, звенящим тоном произнесла Виктория.

По залу пробежал глухой, растерянный ропот. Кристина почувствовала, как сердце неприятно, болезненно ёкнуло и провалилось вниз.

— Причина? — быстро спросила она, выпрямляя спину и стараясь, чтобы голос звучал ровно и профессионально. — В пятницу вечером юристы холдинга согласовали все пункты сметы без замечаний.

— Причина в том, что в пятницу утром на стол руководству трех наших пилотных регионов — Твери, Новгорода и Пскова — легло альтернативное коммерческое предложение от конкурирующего московского агентства, — Виктория медленно положила на стол распечатанный документ на фирменном бланке с синей печатью. — Слово в слово повторяющее нашу методику профориентации, нашу финансовую модель сетевого взаимодействия через колле-

джи и смету, заниженную ровно на восемь процентов. Нас обошли на повороте за сорок восемь часов до финального согласования.

В переговорной повисла мертвая, звенящая тишина. Слышно было только, как за стеклом глухо завывает февральский ветер с Невы.

Кристина взяла со стола распечатку, пробежала глазами по пунктам и почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Это не было случайным совпадением. В документе конкурентов использовались те самые формулировки и коэффициенты логистики, которые сама Кристина сводила в таблицу в четверг вечером — за сутки до того, как отправила рабочий файл в общую папку проекта для согласования с командой.

Артур тяжело вздохнул, картинно покачал головой и посмотрел на Кристину с притворным, липким сочувствием:

— Я же предупреждал, что нельзя запускать сырой региональный блок без закрытого контура безопасности. Кто-то из подрядчиков или школьных координаторов, с которыми Кристина вела прямую переписку по открытой почте, просто слил презентацию москвичам за мелкий прайс.

— Я не отправляла финальную смету региональным координаторам, — жестко и четко возразила Кристина, поднимая взгляд от бумаги. — В открытую рассылку ушла только общая концепция без расчетов. Таблица с коэффициентами с четверга лежала исключительно в закрытом облачном хранилище нашего отдела. Доступ к ней имели только четверо человек: я, Виктория, Артур и Марина.

Тихая методистка Марина испуганно вздрогнула, покраснела и торопливо затараторила:

— Господи, да я даже не открывала этот файл в пятницу, у меня весь день вебинары со школами шли!

— А мне вообще незачем топить проект, с которого я получаю процент, — холодно парировал Артур, глядя Кристине прямо в глаза. — Зато все видели, как в четверг вечером ты в панике доделывала эту таблицу в последнюю минуту перед звонком Виктории и пересылала черновики непонятно кому в мессенджерах.

Кристина стиснула зубы, чтобы не сорваться на оправдания. Вспомнила жесткий урок Виктории из прошлой недели: «В бизнесе друзей нет. Любое оправдание — это признание слабости».

— Достаточно, — резко оборвала перепалку Виктория, стукнув ладонью по столу. — Разборки в песочнице устраивать не будем. Я не держу в команде ни дураков, ни предателей. Сегодня в полдень в офис приедет независимый аудитор по информационной безопасности, который поднимет логи всех выгрузок и пересылок из облака за последнюю неделю. К вечеру я буду знать, с чьего компьютера ушел файл. А ты, Волкова, если хочешь удержать спонсора и не вылететь из кресла руководителя направления, до завтрашнего утра должна придумать, чем мы перебьем предложение конкурентов в регионах. Совещание окончено.

Когда коллеги вышли из переговорной, Кристина осталась стоять у панорамного окна одна. Ладони впервые за долгое время снова стали ледяными и влажными. Сладкая иллюзия того, что она полностью контролирует свою новую жизнь и держит ситуацию в руках, окончательно рассыпалась. Кто-то рядом улыбался ей в лицо, пил с ней кофе на офисной кухне — и хладнокровно всаживал нож в спину.

В кармане жакета коротко завибрировал телефон. Пришло сообщение от Даши: *«Крис, привет! Спасибо тебе огромное за кофейню, Илья меня вчера оформил на вечерние смены, сегодня первый выход! Можно я после девяти к тебе на минутку забегу, конспекты забрать?»*

Кристина посмотрела на экран, прикрыла на секунду уставшие глаза и медленно выдохнула. Дома ждала недавняя недосказанность с Андреем, вечером придет Даша со своими школьными проблемами, а до утра нужно было заново переписать стратегию целого федерального проекта, чтобы выжить.

Глава 7. Чужой звонок.

Поздний вечер понедельника на Васильевском острове выдался тихим и по-зимнему густым. За широким окном гостиной на Пятой линии медленно падал крупный, ленивый февральский снег, укрывая припаркованные во дворе машины и старые липы пушистым белым одеялом.

Кристина сидела на краю дивана, поджав под себя ноги в теплых носках, и в третий раз перечитывала на экране ноутбука черновик новой антикризисной стратегии для регионов. Утренний удар на планерке Виктории — слитая московским конкурентам финансовая модель и заморозка первого транша от спонсора — всё еще отзывался глухой, тяжелой пульсацией в висках. Аудитор по информационной безопасности целый день копался в логах облачного хранилища, но к семи вечера лишь развел руками: выгрузка файла произошла через общий гостевой токен, который был открыт для проверки перед пятничным совещанием. Прямых улик против Артура не нашлось, хотя его сытая, вежливая полуулыбка в коридоре говорила сама за себя.

Из прихожей донесся негромкий щелчок дверного замка и тяжелые, размеренные шаги. Вернулся Андрей — уставший после сложного монтажа систем безопасности на складе в промзоне, пахнущий морозным воздухом, хвоей и металлом.

— Привет, командир, — тепло, чуть хрипловато сказал он, заглядывая в гостиную и сбрасывая рабочую парку на вешалку. — Как твой первый боевой понедельник? Виктория никого не съела?

Кристина постаралась улыбнуться максимально естественно, закрывая крышку ноутбука — она твердо помнила свое решение не вываливать на него рабочие скандалы с порога и не превращать их дом в филиал кризисного штаба.

— Бывало и спокойнее, но прорвемся, — ответила она, поднимаясь навстречу. — Я там ужин разогрела, иди мой руки, сейчас накрою на стол.

Пока Андрей был в ванной, Кристина расставляла на кухне тарелки, стараясь двигаться плавно и спокойно, но внутри всё равно сидело тугое, нервное напряжение. Когда он вышел, переодевшись в простую серую футболку, и сел за стол, его мобильный телефон, лежавший экраном вверх на краю столешницы рядом с солонкой, вдруг коротко вибрировал и засветился входящим вызовом.

Кристина, стоявшая у плиты с чайником, машинально скосила глаза на экран. Высветилось короткое, без фамилии и пояснений имя: *«Ирина»*.

Андрей на секунду замер с вилкой в руке. По его обычно спокойному, открытому лицу пробежала едва заметная тень досады и усталости. Он взял телефон, смахнул зеленую кнопку и ответил сухо, сдержанно, без тени прежней теплоты в голосе:

— Да, Ир, слушаю. Говори быстрее, я только с работы пришел.

На том конце провода зазвучал быстрый, взволнованный женский голос — слов было не разобрать, но интонация была высокой, сбивчивой, почти срывающейся на слезы. Андрей нахмурился, потер переносицу, бросил быстрый взгляд на стоящую у плиты Кристину и негромко сказал в трубку:

— Подожди минуту, не тараторь.

Он поднялся из-за стола, вышел из кухни в прихожую и прикрыл за собой стеклянную дверь. Разговор за дверью длился не больше трех минут — глухой, ровный, сдержанный баритон Андрея вперемешку с приглушенными всхлипами из динамика.

Но для Кристины эти три минуты растянулись в бесконечность.

Она стояла у плиты, сжимая остывающую ручку чайника, и чувствовала, как по спине ползет знакомый, ледяной, липкий холодок. В одну секунду уютная кухня на Васильевском

острове поплыла перед глазами, сменившись тесной, душной восьмиметровой комнатой на Гражданке. Вспомнился резкий щелчок боковой кнопки на смартфоне Макса, окно ввода шестизначного пароля, ночные уведомления без имени и его раздраженный, ледяной голос: *«У каждого взрослого человека должно быть свое личное пространство, не лезь туда, куда тебя не просят»*.

Разум упрямо твердил, что Андрей — не Макс, что он никогда не прятал телефон и не ставил паролей. Но старая, не до конца зажившая рана внутри заныла так остро и предательски, что к горлу подкатил сухой, удушливый ком.

Дверь кухни тихо открылась. Андрей вернулся к столу, положил телефон обратно на столешницу — всё так же экраном вверх, не блокируя и не пряча в карман — и тяжело вздохнул.

— Прости, что отвлекся, остыло всё, наверное, — негромко сказал он, глядя на Кристину внимательно и открыто. — Это бывшая жена звонила, Ирина.

Кристина сглотнула вязкий ком в горле, стараясь, чтобы голос звучал ровно и безразлично:

— Я поняла по имени на экране. Всё в порядке? Что-то случилось?

— Да ничего хорошего, — Андрей покачал головой, берясь за вилку, но есть не стал. — У её нынешнего мужа бизнес по автозапчастям рухнул с треском, кредиторы наседают, счета арестовали. Они теперь в спешке распродают всё, что можно, чтобы долги закрыть. А у нас с ней после развода осталась недооформленная общая дача под Тосно — покупали еще в браке, но при разводе так и не разделили по документам, мне она сто лет не нужна была, я ей оставил. Теперь без моего согласия и подписи у нотариуса она её продать не может. Просит встретиться на неделе, съездить в контору и подписать отказ от доли.

Кристина смотрела на него — на его спокойные, честные глаза, на то, как он без единой уловки, не дожидаясь расспросов и подозрений, сам выложил ей всю суть разговора. Напряжение внутри начало медленно отпускать, сменяясь острым, жгучим стыдом за собственную мгновенную панику и готовность увидеть в нем предателя.

— Понятно, — тихо ответила она, садясь за стол напротив и касаясь своей ладонью его руки, лежащей на столешнице. — Конечно, надо помочь закрыть этот вопрос, чтобы у тебя самого никаких общих хвостов по документам не оставалось.

Андрей накрыл её пальцы своей широкой, теплой ладонью, чуть сжав их.

— Я тоже так думаю. Подпишу бумаги у нотариуса в субботу — и закроем эту страницу окончательно.

Вечером, когда Андрей ушел в душ, его телефон остался лежать на журнальном столике в гостиной. Экран снова коротко вспыхнул от входящего сообщения: *«Андрюш, спасибо тебе огромное, ты меня просто спасаешь. До субботы!»*

Кристина прошла мимо столика, остановилась на долю секунды — старый инстинкт шепнул на ухо: *«Возьми, проверь, вдруг там не только про дачу»*. Но она стиснула зубы, отвернулась и ушла в спальню, не притронувшись к чужому телефону. Первый маленький бой со своими прошлыми демонами она выиграла — но она еще не знала, что сама Ирина вовсе не собирается ограничиваться одним визитом к нотариусу.

Глава 8. Звонок из прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.